

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: СКАНДИНАВСКАЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

© 2008 г. О. Н. Ведерникова¹

Среди типичных уголовно-правовых и криминологических систем, существующих в современном мире, выделяются региональные системы, определяющие политику борьбы с преступностью на территории соответствующего географического ареала. При этом географический критерий разграничения данных систем имеет важное, но не определяющее значение, поскольку решающую роль играют специфические особенности теории, законодательства и практики борьбы с преступностью, характерные для стран данного региона, обуславливающие их особое место на уголовно-правовой и криминологической карте мира.

Так, например, на территории современной Европы существует ряд стран, для которых характерны своеобразные воззрения на причины и способы борьбы с преступностью, особые уголовно-правовые нормы и специфические формы реагирования на совершенные преступления, отличающиеся от общеевропейских, но не являющиеся национально-особенными, поскольку присущи нескольким странам одновременно. Сравнительный анализ свидетельствует о том, что совокупность теоретических, законодательных и правоприменительных особенностей позволяет выделить в рамках романо-германского (западно-европейского континентального) типа уголовно-правовой системы *североевропейскую региональную уголовно-правовую и криминологическую модель*, характерную для государств, расположенных на севере Европы, на Скандинавском полуострове (Норвегия, Швеция, Дания, Исландия и Финляндия).

Североевропейские страны отличаются исторической обособленностью их правовой и социальной системы, которая уходит своими корнями в далекое прошлое, в период XIV–XVI вв., когда три северных королевства – Дания, Норвегия и Швеция – составляли единую Кальмарскую унию. С тех пор данные государства поддерживают тесные отношения, в том числе, в сфере уголовной политики, что обеспечивается, в частности, принятием согласованных решений в рамках особого

межгосударственного объединения, получившего название Северный Совет. Как считают зарубежные исследователи, Северный Совет для Скандинавии все равно, что Организация Объединенных Наций для всего остального мира. Решения, принятые на сессиях Северного Совета, определяют стратегию скандинавских стран в борьбе с преступностью².

В Скандинавии издавна сложились особо благоприятные условия для унификации права и политики. Общность исторического развития, тесная близость культур, схожесть языков, отсутствие серьезных политических противоречий, общее географическое положение, включающее расположенность на северных границах Европы – все это обеспечило надежную основу для сотрудничества в экономической, социальной и правовой областях. Кроме того, для такого сотрудничества существуют определенные экономические, социальные и правовые предпосылки. Так, для скандинавских стран характерно наличие относительно большого сектора государственной экономики, развитая система социального обеспечения, государственно-правовое регулирование наиболее значимых сфер жизни общества. Зарубежные компаративисты относят право скандинавских стран к самостоятельной правовой системе, получившей название северная правовая семья³.

В 70–80-е годы XX в. в нашей стране уделялось пристальное внимание опыту скандинавских стран в сфере борьбы с преступностью: публиковались книги североевропейских ученых, писались диссертации, посвященные уголовно-правовым и криминологическим аспектам противодействия преступности в данном регионе⁴. Однако

² См. подробнее: *Кристи Н.* Удобный враг. Политика борьбы с наркотиками в Скандинавии. М., 2004.

³ *Цвайгерт К., Кетц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2-х т. Т. 1. Основы / Пер. с нем. М., 2000. С. 413–426.

⁴ *Анденес И.* Наказание и предупреждение преступлений / Пер. с англ.; под ред. Б.С. Никифорова. М., 1979; *Там Х.* Преступность и уровень жизни / Пер. со швед.; под общ. ред. В.П. Шупилова. М., 1982; *Кристи Н.* Пределы наказания / Пер. с англ.; под ред. А.М. Яковлева. М., 1985; *Рахманова Е.Н.* Криминология малых капиталистических стран Западной Европы. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1986.

¹ Профессор кафедры уголовного права и криминологии Российской правовой академии Минюста России, доктор юридических наук.

позднее научный интерес к данному региону заметно снизился, и только в последние годы начинает возрождаться⁵. Это не случайно: страны победившей социал-демократии демонстрируют всему остальному миру (в том числе, и России) способность противостоять преступности и иным социальным проблемам с помощью разумного сочетания демократии, рыночной экономики и социальной политики. Они не навязывают свой опыт, как это делают США, они просто живут в другой реальности, своим примером подтверждая утопичность глобальной унификации права, политики и правомерность лозунга социалистов-антиглобалистов: “Иной мир возможен!”.

Региональную особенность скандинавских стран в сфере борьбы с преступностью составляет так называемая *северная модель предупреждения преступлений*, в основе которой лежит социально-политическая доктрина “государства всеобщего благоденствия”, которая с успехом реализуется в этих странах, что проявляется, в частности, в высоком уровне жизни граждан, государственной поддержке социально-уязвимых категорий людей, обеспечении каждому равных возможностей в получении образования и медицинской помощи. В этих целях жители скандинавских стран до 50% своих доходов отдают государству в виде подходящего налога, платежи от которого идут на общие социальные нужды: медицину, образование, социальные службы и т.п.

Социально ориентированная внутренняя политика приносит свои плоды и в сфере борьбы с преступностью: в течение многих лет в этих странах наблюдаются позитивные тенденции в динамике преступности, выгодно отличающие ситуацию с преступностью от многих других европейских государств. Так, в 1991–2001 гг. в большинстве скандинавских стран зафиксировано снижение числа зарегистрированных преступлений: в Дании – на 9%, в Финляндии – на 7%, в Швеции – на 1%. И только в Норвегии преступность возросла на 28%⁶. В последние годы криминальная ситуация в Норвегии улучшилась, и в 2002–2006 гг. число зарегистрированных преступлений сократилось на 8%⁷.

Отличительной чертой северной модели предупреждения преступлений является широкое участие общественности в профилактике преступлений, а основной целью признается обеспечение общественной безопасности. В каждой из

скандинавских стран существует Национальный Совет по предупреждению преступлений, который является государственным органом, действующим при Министерстве юстиции, и осуществляет планирование и координацию деятельности всех органов, занимающихся проблемами борьбы с преступностью. Еще одним проявлением особого скандинавского подхода к проблеме преступности является создание системы компенсации вреда жертвам преступлений из государственных фондов, а также предоставление бесплатной юридической помощи жертвам насильственных и половых преступлений, независимо от их материального положения.

В рамках Северного совета действует Скандинавский совет по криминологии, который был учрежден в 1962 г. министрами юстиции Дании, Финляндии, Исландии, Норвегии и Швеции. Цель его создания – координация криминологических исследований в странах-участниках, выработка рекомендаций для Северного Совета и правительств скандинавских стран в сфере борьбы с преступностью. Скандинавский Совет по криминологии состоит из 15 членов, по три представителя от каждой страны, включая двух авторитетных криминологов и одного представителя Министерства юстиции. Таким образом, профессионалы в сфере борьбы с преступностью имеют возможность оказывать непосредственное влияние на формирование уголовной политики своих стран и всего скандинавского региона. Неудивительно, что вопреки мировой тенденции роста преступности скандинавским странам удается добиваться позитивных показателей в динамике преступности либо, как в Швеции, на протяжении последних 15 лет удерживать преступность на одном уровне.

В основе *уголовно-правовой доктрины* стран, принадлежащих к северной правовой семье, лежит особая система нравственных категорий и социальных ценностей, составляющих уникальный моральный климат Скандинавии, который может почувствовать каждый, кто побывал там. Для правосознания жителей скандинавских стран характерны: идеи социального равенства, доверие к общественным и юридическим институтам, толерантность к различным проявлениям на личностном уровне, а также общее чувство справедливости, проявляющееся в отношении к таким правовым категориям, как “преступление”, “преступник”, “наказание”, “ответственность”⁸. Для скандинавских стран характерно представление о социальных корнях преступности как основной криминогенной доминанте. Поэтому в этих странах основным направлением борьбы с преступностью является социальное предупреждение преступлений, а уголовному праву отводится второ-

⁵ Васильев В.В. Ответственность за налоговые преступления в скандинавских странах (Сравнительно-правовой анализ). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2007.

⁶ International Comparisons of Criminal Justice Statistics 2001// Home Office Statistical Bulletin, Issue 12/03-London, 2003. P. 3.

⁷ Offences reported to the police, by group of offence. 1993-2006. Statistics Norway, 2007.

⁸ См.: Бондenson Улла В. Моральный климат Скандинавии // Гос. и право. 2005. №7. С. 119–121.

степенная роль. В то же время признается решающая роль системы юстиции (включая уголовное право) в создании базовых норм поведения и в общем предупреждении преступлений.

Следует подчеркнуть, что скандинавская модель борьбы с преступностью отличается своей гуманностью, проявляющейся в отказе от жестких наказаний и других репрессивных мер борьбы с преступностью, ориентации на неформальный социальный контроль в деле предупреждения правонарушений и разрешения социальных конфликтов. Особенно наглядно данная модель проявляется в сфере ювенальной юстиции, основная цель которой – предупреждение преступлений и антисоциальных проявлений среди несовершеннолетних. Как считают скандинавские ученые, “...главная социально-политическая цель по отношению к детям и молодежи состоит в том, чтобы обеспечить каждому наилучшие условия для развития и жизни”⁹. В скандинавских странах отсутствуют специальные суды по делам несовершеннолетних, однако уголовное законодательство предусматривает особые меры воздействия на эту категорию лиц.

Для указанной доктрины характерно сочетание неоклассических подходов с концепцией “удержания путем устрашения” (deterrence). Иными словами, речь идет о сочетании теории справедливого воздаяния с идеей общего предупреждения. Неоклассицизм предполагает применение наказаний, соответствующих степени тяжести деяния, а концепция общего предупреждения основной целью наказания считает удержание от совершения преступлений не только самого преступника, но и иных лиц, что может потребовать выхода за пределы справедливого воздаяния и назначения “примерных наказаний”, способных устроить потенциальных преступников.

При первом подходе решающее значение при выборе наказания имеет тяжесть преступления, что предполагает выработку специальных правил, в основе которых лежит шкала наказаний, согласующаяся с перечнем преступлений. Вторым подходом предполагается, что основной целью наказания является общепредупредительный эффект и выражение авторитетного осуждения порицаемых деяний. При обсуждении двух альтернатив – индивидуальное предупреждение или общее предупреждение – скандинавские криминологи рекомендуют такую систему наказаний, которая повышает значение общего предупреждения. Основанием для такого решения этой дилеммы является кризис идей некарательного воздействия, лежащих в основе индивидуального предупреждения, переживаемый на Западе.

В теории уголовного права скандинавских стран существует движение, отражающее идеи гуманизма при выборе наказаний, выступающее за минимизацию уголовного наказания, особенно лишения свободы. Одним из теоретиков данного движения является норвежский криминолог Нильс Кристи (род. 1928 г.), профессор криминологии университета в г. Осло, член Академии наук Норвегии, бывший директор норвежского Института криминологии, бывший председатель Скандинавского совета по криминологии (1979–1982). В нашей стране Кристи хорошо известен как автор ряда монографий, в том числе, принесшей ему мировую славу “Пределы наказания” (1985). В этой работе Кристи выступил как гуманист, который считает, что суть любого уголовного наказания – это причинение “боли”, страданий, а социальная сущность уголовного права состоит в “раздаче боли”. Он предлагает ограничить намеренное причинение боли государством минимально необходимыми пределами, рекомендуя причинять “как можно меньше боли”. В то же время Кристи признает, что наказание имеет удерживающий эффект, и если бы наказания отсутствовали, мог бы наступить хаос. Кристи критически относится как к теории некарательных мер воздействия, так и концепции общего предупреждения, считая, что теоретикам следует искать не альтернативные наказания, а альтернативу самому уголовному наказанию таким образом, чтобы свести к минимуму саму потребность в причинении боли с целью социального контроля¹⁰.

В более поздних работах Кристи выражает обеспокоенность мировой тенденцией расширения сферы официального социального контроля, которая выражается в росте числа задержанных, арестованных и осужденных к лишению свободы. Автор считает, что современные институты борьбы с преступностью могут перерасти в ГУЛАГ западного образца и дальнейшая эскалация такой борьбы может столкнуть общество на тоталитарный путь развития¹¹. В России, да и за рубежом ученого Кристи знают как постоянного критика политики обращения с преступниками, основанной на идее “закрывать их на замок и выбросить ключи” (lock- them-up-and -throw- away-the-key)¹². Однако следует иметь в виду, что его позиция относительно необходимости гуманизации карательной политики в настоящее время не является доминирующей в уголовно-правовой доктрине европейских, в том числе, скандинавских стран.

¹⁰ См. подробнее: Кристи Н. Пределы наказания. М., 1985.

¹¹ См.: Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед к ГУЛАГу западного образца? М., 1999.

¹² См.: Christie N. Crime and Civilization // New Internationalist Magazine, 1996.

⁹ Crime Prevention in the Nordic Context - The Nordic Model. Stockholm, 2001. P. 4.

По мнению Филиппа Эстрады, адъюнкт-профессора департамента криминологии Стокгольмского университета, в последние годы произошла серьезная трансформация уголовной политики, проявившаяся в изменении подхода западных правительств к преступности. Эта тенденция может быть охарактеризована как переход от социальной к уголовной политике, сопровождаемой параллельным переносом акцентов с реабилитационного обращения на справедливое наказание.

Ф. Эстрада выделяет следующие характерные черты новой тенденции:

изменение основания идеологии обращения. Теперь основной целью наказания является не реабилитация преступника, а справедливое воздаяние и возмещение причиненного вреда. Политики этих стран воспринимают законодательство как важный инструмент реагирования на справедливый гнев, вызванный преступностью;

возобновление роли тюрьмы. Многие годы большинство западных стран стремилось уменьшить количество заключенных и сократить сроки тюремного заключения. В настоящее время – прямо противоположная тенденция;

фокусирование внимания на жертве. Внимание сосредотачивается не на преступнике, а на идентификации, сочувствии и понимании жертвы. Руководящим принципом становится публичная защита жертв преступлений, ставится цель минимизации рисков и повышения уровня безопасности в обществе;

повышенное использование проблемы преступности в политике. Преступление рассматривается как конкретная проблема, которую можно решить с помощью эффективных действий, при этом никто не может позволить себе, чтобы его уличили в “мягком отношении” к преступности;

индивидуализация. Дискуссии о причинности сосредоточены преимущественно на факторах индивидуального уровня, а не на социальных механизмах. В стратегии уголовной политики все меньше внимания уделяется попыткам вызвать улучшения в социальной сфере и делается акцент на незамедлительных мерах контроля и безопасности¹³.

На этом фоне стремление Н. Кристи обратить внимание на социальные причины преступности, его критика современного западного общества как “общества акул”, в котором основной ценностью является материальное благополучие, что

создает угрозу “государству всеобщего благоденствия” и способствует росту преступности, заслуживает уважения и внимательного изучения¹⁴. Однако не все из его идей являются приемлемыми.

Так, в одной из своих последних книг “Приемлемое количество преступлений” (2006) Н. Кристи утверждает, что “преступности не существует”, поскольку преступность – это социальный конструкт, “порождение различных культурных, социальных и ментальных процессов”. В этой связи его “совершенно не интересует ситуация с преступностью в обществе”¹⁵. На наш взгляд, это весьма странное утверждение для криминолога, чьей профессиональной обязанностью является анализ и изучение преступности, ее причин и мер предупреждения. Понятие преступности, как и всякое иное понятие, действительно является социально-сконструированным, однако в основе данной конструкции лежат конкретные социальные и криминологические основы, прежде всего степень вреда, причиняемого охраняемым общественным интересам, которая выражается в тяжести деяний и их распространенности. Кроме того, экономические, политические и нравственно-культурные факторы играют значимую роль в решении вопроса о признании тех или иных деяний преступными и наказуемыми. Понятие преступности социально изменчиво, однако это не означает абсолютной произвольности данного феномена, пределы которого определяется господствующими в обществе представлениями о границах добра и зла, приемлемого и недопустимого, социально одобряемого и запрещенного поведения. При этом основную роль играет потребность в обеспечении безопасности как необходимого условия социальной жизни и важного индикатора ее качества.

Отказываясь от изучения криминальной ситуации, Кристи в то же время подробно анализирует карательную статистику, приходит к выводу о наличии общемировой тенденции к ужесточению уголовной репрессии и призывает к сокращению числа заключенных. Однако следует иметь в виду, что современная тенденция к ужесточению карательной политики является результатом закономерной социальной реакции на рост преступности, насилия и жестокости, зафиксированный в большинстве стран мира. В свою очередь, негативные явления в сфере преступности обусловлены криминогенными последствиями глобализации и в настоящее время практически неизбежны¹⁶.

¹³ Аналитический обзор статьи Филиппа Эстрады “Трансформация уголовной политике в обществах с высоким уровнем преступности”, опубликованной в “Европейском журнале криминологии” (Вып. 1. № 4. Октябрь 2004) // Мир против организованной преступности. Одесский информационно-аналитический центр. <http://www.inter.criminology.org.ua>

¹⁴ См. подробнее: Christie N. Police as a guardian of civil society // International Centre for the Prevention of Crime. Seventh Annual Colloquium on Crime Prevention. Oslo, Norway. 2007. November 8-9.

¹⁵ Кристи Н. Приемлемое количество преступлений / Пер.с англ.; общ. ред. Я.И. Гилинского. СПб., 2006. С. 25.

Таким образом, без сравнительного анализа тенденций преступности и ее наказуемости сделать вывод об адекватности или чрезмерности уголовной репрессии невозможно. В противном случае можно впасть в абстрактный гуманизм, не подкрепленный фактической основой, что и происходит с Кристи. Очевидно, что уголовная политика в сфере назначения наказаний (пени-тенциарная политика) не должна определяться идеологическими установками, неважно, на гуманизацию или ужесточение репрессий, ее задача – в максимальной степени соответствовать тяжести преступлений и общественной опасности лиц, их совершающих, во имя достижения цели обеспечения общественной безопасности специфическими средствами уголовного права.

Кристи полагает, что “если мы верим в добро и справедливость, то применение уголовного права должно быть ограничено”¹⁷. Однако, на наш взгляд, вопрос заключается в том, что понимать под добром и справедливостью: интересы преступника или его жертвы, индивидуальные или общественные ценности. Очевидно, что для преступника любое наказание несет лишения и ограничения, но нельзя забывать, что он сам их заслужил и потому должен понести справедливо заслуженное наказание. Полагаем, что истинный гуманизм уголовного права состоит в назначении виновному справедливого наказания, соответствующего тяжести преступления и степени общественной опасности личности преступника, способного предупредить совершение новых преступлений, как самим преступником, так и иными лицами, и, тем самым, защитить личность, общество и государство от угрозы причинения вреда.

И еще об одной идее Кристи, с которой нельзя согласиться. Речь идет о его взглядах на политику борьбы с распространением наркотиков, изложенных в книге “Удобный враг. Политика борьбы с наркотиками в Скандинавии”, опубликованной Центром содействия реформе уголовного правосудия в 2004 г. Суть его позиции такова: общество без наркотиков невозможно, войну с наркотиками выиграть нельзя, а потому необходимо легализовать употребление наркотиков и их хранение с целью личного употребления, предоставив закоренелым наркоманам возможность свободно приобретать метадон или другие наркотики в течение всей жизни, подобно потреблению лекарств больными сахарным диабетом. Кроме того, предлагается открыть торговлю марихуа-

ной в аптеках, винных магазинах или специальных кафе¹⁸.

Заметим, что в таком подходе к проблеме распространения наркотиков нет ничего нового, он был популярен в Европе в 60–70-е годы XX в., в эпоху движения хиппи и пропаганды лозунга “секс, наркотики и рок-н-ролл”. Однако с тех пор многое изменилось и в тех странах, где ранее были воплощены идеи легализации и свободной продажи наркотиков, например, в Нидерландах, в настоящее время пришли к выводу о том, что такая политика ведет к расширению объема потребления наркотиков. В результате в Нидерландах сокращается число “кофеев”, где употребляются “легкие” наркотики, а число лиц, осужденных за торговлю наркотиками, напротив, постоянно растет, вследствие чего голландскую уголовную юстицию нередко называют “кило-юстиция”¹⁹.

Не следует забывать и о том, какую цену заплатили голландские криминологи за пропаганду легализации наркотиков: в 80–90-е годы XX в., в условиях роста злоупотреблений наркотиками и общего роста преступности, в Нидерландах произошел кризис криминологии, которая оказалась неспособной предложить обществу эффективную программу борьбы с преступностью. В результате целые криминологические институты были закрыты, а криминологи-либералы вынуждены были уйти с кафедр криминологии. Сам Кристи пишет об этом в книге “Борьба с преступностью как индустрия” (1999). Более того, в своей книге “Удобный враг. Политика борьбы с наркотиками в Скандинавии” автор признает, что его либеральные взгляды не разделяют большинство юристов и правительственных структур в Скандинавских странах, где преобладающей точкой зрения на проблему наркотиков является идея о необходимости усиления борьбы с их распространением.

Возникает закономерный вопрос: зачем российский Центр содействия реформе уголовного правосудия публикует и распространяет устаревшие западные идеи, которые уже не популярны на самом Западе, но могут, в случае непродуманного заимствования, существенно ухудшить криминальную ситуацию в нашей стране? В условиях, когда в России 70 тыс. молодых людей ежегодно погибают от злоупотребления наркотиками и связанных с ними болезней²⁰, а сама страна явля-

¹⁸ См.: Кристи Н. Удобный враг. Политика борьбы с наркотиками в Скандинавии. М., 2004. <http://www.prison.org/lib/christy6.shtml>

¹⁹ См.: Келк К. Пени-тенциарный климат в Нидерландах // Голландская правовая культура / Отв. ред. В.В. Бойцова и Л.В. Бойцова. М., 1998. С. 424–440.

²⁰ См.: Халтурина Д.А., Коротаев А.В. Демографический кризис в России: причины и пути преодоления // http://www.narcotiki.ru/research_5917.html

¹⁶ См. подробнее: Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность. М., 2007.

¹⁷ Кристи Н. Указ. соч. С. 144.

ется крупным пунктом назначения для распространения наркотиков из-за рубежа, пропаганда идей, способствующих дальнейшей эскалации этой проблемы, недопустима! Н.Кристи – вечный диссидент, критический криминолог, оппонент действующей власти, идея легализация наркотиков – это его личная позиция. В то же время, полагаем, что публикация и активная пропаганда диссидентской криминологической литературы в условиях практически полного отсутствия зарубежных источников, отражающих иную точку зрения, создает ошибочное представление о тенденциях уголовной политики в мире, способствует дезориентации российских ученых и практиков, что может привести к принятию неверных решений.

В отличие от теории уголовного права и криминологии Скандинавских стран, где существует, как мы убедились, дискуссия по вопросу о пределах наказания и направлениях уголовной политики, уголовное законодательство североевропейских стран отличается большей однородностью, что обусловлено рядом обстоятельств.

Уголовное законодательство североевропейских стран имеет общую историческую основу, которой является старогерманское право с его традицией кодифицированного законодательства. В течение XVII–XVIII вв. уголовное законодательство скандинавских стран было кодифицировано, хотя и не полностью. С тех пор основным источником уголовного законодательства в этих странах является уголовный кодекс, который дополняется рядом специальных уголовно-правовых законов, регулирующих ответственность за отдельные виды преступлений. Содержание уголовного законодательства северных стран отражает влияние континентального европейского права, в том числе, традиционные для данной правовой системы принципы уголовного права. В то же время для северных стран характерно наличие ряда норм, отражающих особенности скандинавского понимания прав личности, справедливости и других фундаментальных принципов уголовного права.

Например, УК Дании предусматривает довольно жесткую ответственность должностных лиц за преступления, совершенные при осуществлении государственных функций, затрагивающие права граждан (гл. 16). Согласно п.1 § 146 УК Дании, если любое лицо, наделенное государственной властью принимать решения по вопросам, касающимся законных прав частных лиц, “проявляет несправедливость при разрешении или рассмотрении дела”, то оно подлежит тюремному заключению на срок до шести лет. “Если такая несправедливость ухудшила условия жизни любого лица или если наступление такого последствия было предумышленно, то наказанием должно

быть тюремное заключение на срок не менее трех и не более шестнадцати лет” (п.2 § 146). Таким образом, УК Дании охраняет социальные права граждан, включая охрану принципа социальной справедливости. Поскольку в Дании, как и во всех скандинавских странах, наблюдается высокая степень единства во взглядах на социальные и правовые проблемы, решение вопроса о том, что считать справедливым в каждом конкретном случае не вызывает больших трудностей и возлагается на судей. При этом судьи отличаются большим консерватизмом во взглядах на роль уголовного права и наказания в деле поддержания социального порядка и в их среде практически не встречаются либералы, подобные Н. Кристи.

Интересно отметить, что в уголовном законодательстве североевропейских стран нашел отражение особый подход к принципу действия уголовного закона в пространстве, направленный на повышение эффективности борьбы с преступностью в северном регионе Европы. Например, согласно УК Швеции, лицо, совершившее преступление вне пределов Королевства, даже если оно не было направлено против интересов страны, отвечает по шведскому праву и перед шведским судом, если этот человек является датским, финским, исландским или норвежским гражданином и находится на территории Швеции. В свою очередь, подобную норму содержат кодексы других скандинавских стран. В результате лицо, совершившее преступление на территории любой североевропейской страны, не может укрыться от правосудия в другой стране данного региона и может быть привлечено к ответственности без использования процедуры экстрадиции, что существенно ускоряет процесс судопроизводства.

Данные нормы являются отражением процессов гармонизации и сближения правовых систем скандинавских стран. При этом использование регионально-территориального принципа действия уголовного закона позволяет говорить об уголовно-правовом союзе североевропейских стран. Такой союз создает реальные правовые предпосылки для реализации принципа неотвратимости наказания, что существенно повышает роль уголовного права в борьбе с преступностью. Фактически, речь идет о создании региональной системы коллективной безопасности в сфере борьбы с преступностью. На наш взгляд, данный механизм реализации уголовного права может быть с успехом использован для регулирования единого уголовно-правового пространства на территории союзного государства России и Белоруссии, а также государств СНГ.

Среди последних изменений в законодательстве скандинавских стран следует отметить нормы, направленные на борьбу с проституцией и

торговлей людьми. Так, в Швеции 1 января 1999 г. был принят Закон, запрещающий покупку сексуальных услуг. 1 апреля 2005 г. на основе данного Закона были внесены изменения в Уголовный кодекс (ст. 11 гл. 6), в соответствии с которыми была установлена ответственность за покупку (или попытку покупки) сексуальных услуг, которая карается штрафом или тюремным заключением на срок до 6 месяцев. Кроме того, эта норма дополнена положением, согласно которому ответственность за данное преступление наступает и в том случае, когда плата за сексуальные услуги была предоставлена или обещана третьим лицом. При этом женщины и дети, являющиеся жертвами проституции, ответственности не несут.

Поясним, что согласно ранее принятому законодательному определению проституция рассматривается как форма мужского насилия над детьми и женщинами. Шведские исследователи отмечают, что после вступления данного закона в силу число проституток на улицах страны заметно уменьшилось, как и число мужчин, пользующихся их услугами, а сам закон пользуется широкой общественной поддержкой²¹.

Правоприменительная практика северо-европейских стран отличается относительной мягкостью, что проявляется в применении в качестве основных видов уголовного наказания штрафа и других мер, не связанных с лишением свободы, а также в широком распространении краткосрочного лишения свободы (до 6 месяцев). Например, в Швеции в 2006 г. к лицам, признанным виновными в совершении преступлений, были применены следующие санкции: штраф (54%), лишение свободы (12%), условное осуждение (8%), иные меры наказания (11%). Кроме того, в 15% случаев была применена такая специфически-скандинавская мера уголовно-правового воздействия как «отсрочка предъявления обвинения» (*waiver of prosecution*), которая предоставляется прокуратурой, носит, как правило, условный характер и сопровождается испытательным сроком²². Применение подобных мер предусмотрено, также, законодательством Норвегии²³.

Указанные факты свидетельствуют о более мягкой карательной политике скандинавских стран, что имеет как положительные, так и отрицательные черты. Так, зарубежные исследователи считают, что чересчур мягкий уголовно-правовой климат скандинавских стран способствует деятельности на их территории организаций, под-

держивающих международный терроризм²⁴. В данном случае речь идет не о прямой поддержке террористических организаций, а о либеральном отношении к отдельным лицам и структурам, избравшим север Европы для проведения агитационной и иной подрывной деятельности, направленной против других государств. К таким структурам относятся, в частности, кавказские интернет-сайты, которые на протяжении последних нескольких лет базируются на территории скандинавских стран, осуществляя деятельность, направленную на подстрекательство к террористическим актам на территории России. Заметим, что авторы названных сайтов умело используют языковые различия, поскольку публикуют свои материалы на двух языках. При этом информация, публикуемая на английском языке, который широко распространен в качестве разговорного в Скандинавии, как правило, не выходит за рамки того, что в условиях западной демократии принято рассматривать как деятельность политической оппозиции. В то же время на русском языке, практически неизвестном широкому кругу читателей данных стран, но хорошо знакомом чеченским террористам, нередко публикуются откровенные призывы к совершению терактов, убийствам лиц русской национальности и т.д. Подобная тактика, к сожалению, приносит свои плоды и затрудняет борьбу с международным терроризмом.

Говоря о мягкости карательного климата скандинавских стран, следует иметь в виду, что указанная особенность является весьма относительной, поскольку в пенитенциарной политике нашла также отражение общеевропейская тенденция к росту «тюремного населения», свидетельствующая о расширении сферы официального контроля над преступностью с целью общей и специальной превенции. Так, по данным международных исследований, в 1995–2005 гг. число лиц, содержащихся в местах лишения свободы, возросло: в Дании – на 22.1%, в Норвегии – на 32.1%, в Финляндии – на 31%, в Швеции – на 22.3%. И только в Исландии число заключенных уменьшилось на 3.4%. Средний показатель уровня числа заключенных в северных странах также существенно увеличился за последние 20 лет (с 50 до 70 человек на 100 тыс. населения). Но вместе с тем остается заметно более низким, чем во многих других странах Западной Европы: в Германии – 97, Австрии – 108, Нидерландах – 127, Испании – 142, Великобритании – 143²⁵.

²¹ См.: Prostitution and trafficking in human beings. Ministry of Industry, Employment and Communications. Stockholm, 2005. April.

²² См.: Persons found guilty of offences. Swedish National Council of Crime Prevention // www.bra.se

²³ См.: Додонов В.Н. Прокуратуры стран мира. Справочник / Под ред. С.П. Щербы. М., 2006. С. 144.

²⁴ См.: Датский след бен Ладена // Моск. новости. 2001. № 39. С. 8.

²⁵ См.: Walmsley R. European Imprisonment Levels 1995-2005 // International Key Issues in Crime Prevention and Criminal Justice. Papers in celebration of 25 years of HEUNI. Helsinki, 2006. P. 159-167.

Анализируя практику применения уголовных наказаний, необходимо обратить внимание на такой скандинавский феномен, как “очередь на исполнение наказания”, которая существует, в частности, в Норвегии, где зафиксирован самый низкий в Скандинавии показатель “тюремного населения” – 66 человек на 100 тыс. населения. Общее число заключенных в стране составляет 3 тыс. человек (в 2006 г.), но при этом около 5 тыс. человек являются потенциальными заключенными, поскольку тюрьмы переполнены, и они ожидают своей очереди на исполнение наказания. Очевидно, что, если бы их всех своевременно поместили в места заключения, показатель “тюремного населения” существенно увеличился.

Следует отметить, что в правоприменительной практике проявляются не только общие черты, характерные для скандинавского региона, но и национально-особенные свойства, отражающие специфику правосознания и карательной практики в отдельных странах. Так, по данным международных исследований, карательная политика в Дании и Швеции заметно различается по видам наказаний, назначаемых за одни и те же преступления. Например, в Дании большинство лиц, осужденных за кражу, приговариваются к штрафу (70%), в Швеции же этот показатель составляет 48%. В то же время лица, виновные в нападении, в Дании караются более сурово: 51% из них приговариваются к лишению свободы, в то время как в Швеции – только 26%. И лишь по делам об ограблении уголовно-правовые оценки судей обеих стран совпадают: и в той, и в другой стране большинство виновных в данных преступлениях осуждаются к лишению свободы: в Дании – 74%, в Швеции – 64%²⁶.

Для правоприменительной практики скандинавских стран характерно использование такой меры уголовно-правового воздействия, как конфискация доходов, полученных преступным путем. Например, в Норвегии Общегражданский уголовный кодекс (в этой стране существует еще и Военный уголовный кодекс) относит изъятие имущества преступника к “другим правовым последствиям преступления” (гл. 2). Особенностью уголовного законодательства Норвегии является, во-первых, применение данной меры ко всем видам преступлений, связанным с получением преступных доходов. Согласно УК Норвегии, “Любой доход, полученный в результате уголовно наказуемого деяния, должен быть изъят”. Во-вторых, “изъятие осуществляется, даже если нарушитель закона не может быть наказан, поскольку был невменяем, или вина не доказана” (§ 34). Кроме того, закон гласит, что в основе

изъятия незаконных доходов “должно лежать то, что доход достался нарушителю закона, если он не докажет, что он достался кому-либо другому”. Таким образом, УК Норвегии переносит бремя доказывания законности получения дохода на обвиняемого.

Последнее положение особенно актуально для России, где камнем преткновения в вопросе о конфискации имущества является вопрос о том, кто должен доказывать законность происхождения данного имущества – обвиняемый или государственные органы? Чаще всего в нашей стране противники широкого применения конфискации ссылаются на презумпцию невиновности и невозможность доказать преступный характер доходов, особенно в тех случаях, когда имущество было преобразовано или оформлено на других лиц. Однако в Норвегии подходят к этому вопросу с иных позиций.

Кроме того, в этой стране в случае совершения преступления, которое может принести значительный доход, и наказуемо лишением свободы на срок от 6 и более лет, применяется расширенное изъятие имущества, при котором может быть изъято все имущество, принадлежащее виновному, если он не докажет, что имущество было добыто законным путем (§ 34 а). При расширенном изъятии может, также, изыматься стоимость всего имущества нынешней или бывшей супруги преступника, если он не докажет, что это имущество получено законным путем²⁷.

Разумеется, можно считать, что Норвегия – это маленькая страна (население – 4.6 млн. человек), и ее пример не является для нас показательным. Но именно эта страна на протяжении нескольких лет занимает одно из первых мест в мире по уровню валового внутреннего продукта на душу населения (47.551 долл. США), обгоняя по этому показателю такие страны, как Кувейт (44.982), США (41.674) и другие, далеко не бедные государства²⁸. Согласно данным за 2005 г., показатели ВВП в Норвегии в 4 раза выше, чем в России (11.861). И тем не менее в Норвегии применяется конфискация преступных доходов. Думается, что для России расширение пределов применения конфискации преступных доходов тем более необходимо, поскольку данная мера дает реальную возможность подорвать корни экономической преступности и поднять жизненный уровень людей, в том числе за счет средств, незаконно находящихся у лиц, наживших свои капиталы преступным путем.

²⁷ См.: Уголовное законодательство Норвегии / Научн. ред. Ю.В. Голик; пер. с норв. СПб., 2003. С. 48–59.

²⁸ О результатах Глобального раунда международных сопоставлений ВВП // Федеральная служба государственной статистики // <http://www.gks.ru>

²⁶ International Comparisons of Criminal Justice Statistics 2001/ Home Office Statistical Bulletin, Issue 12/03-London. 2003. P. 19–21.

Таким образом, анализ уголовно-правовой и криминологической системы скандинавских стран свидетельствует о том, что уголовное право и уголовная юстиция в целом играют необходимую, однако далеко не основную роль в борьбе с преступностью, где решающее значение имеют экономические, политические и социальные меры, направленные на повышение жизненного

уровня людей, развитие культуры и повышение общественной нравственности. Как свидетельствует опыт скандинавских стран, ощутимых успехов в борьбе с преступностью добиваются только там, где карательные меры служат дополнением к социально-экономическим мероприятиям, а уголовная политика реализуется в условиях эффективных социальных преобразований.